

Он сквозь оптический прицел
Умел предсказывать судьбу ...

Григорий Стернин

Часть I

ГЛАВА I

*Подмосковье, деревня Хапово,
12 мая 2002 г.*

Прихода незваных гостей в воскресенье в семье Кораблевых не ожидали. То, что к ним заявятся люди, скупившие почти все дома их деревни, тайны не составляло, но чтобы в выходной день и вечером? Этого не ждали.

Хозяйка дома Зинаида Петровна занималась по хозяйству. Дочь Ольга, после развода с мужем переехавшая в деревню, сидела на диване за книгой. Сын Костя, инвалид-афганец, лишившийся ног на склонах проклятого Гиндукуша, в своей коляске у печи вырезал из дерева очередную статуэтку из числа заполнивших весь дом деревянных фигурок. Под волнующие душу песни «Голубых беретов», звучащих с пленки старого магнитофона.

Другими словами, вечер проходил обычно, до тех пор, пока во дворе не залаял Кулак — собака неизвестной породы с обвислыми ушами и мохнатой мордой. Совершенно безвредный, но голосистый пес. Таких собак в обиходе называют звонками. Он-то и подал первый сигнал. За ним прозвучал звонок с улицы, от калитки.

— Кого еще там черт принес? — пробурчал Костя и перевел свой полупьяный взгляд на сестру. — Опять твой бывший муженек приперся? Ты ему, Ольга, скажи, развелись — мандец! Не хрена сюда таскаться! А то я его из отцовского дробовика свинцом вдосталь угощу, козла безрогого! Он ведь жизнь тебе сломал, сестра? А ты привечаешь его. Были бы у меня ноги, появился бы он тут! Ты поняла меня?

Сестра промолчала, вышла в сени, накинув на плечи пуховый платок.

Вскоре возвратилась, ведя следом прилично одетого молодого человека, при галстукe, в модном и дорогом костюме, с кожаной папкой в руке.

— Вот и к нам пришли, — сказала Ольга и предложила молодому человеку: — Проходите, Виталий. Мама! Тут человек приехал насчет дома.

Костя отбросил резак и болванку на диван, резко развернулся в инвалидном кресле.

Гость поздоровался и представился:

— Добрый вечер! Я — Жаворонков Виталий Сергеевич, менеджер агентства по работе с недвижимостью «Успех»!

— Кто, ты сказал? Менеджер? — спросил Костя. — Это что еще за профессия? Агент, что ли?

— Ну, если вам так угодно, то агент! — не стал вступать в перепалку Жаворонков, видя агрессивную настроенность сына-инвалида.

— И чего тебе надо, агент? — зло глядя на этого лошеного типа, спросил Костя.

— Я отвечаю на вопрос, но будет лучше, если вся семья примет участие в обсуждении того предложения, которое я уполномочен агентством сделать вам!

— А здесь она, семья-то. Мать!

— Да, Костя!

— Иди в комнату, обсуждать предложение агента по недвижимости будем.

— Иду, иду!

Зинаида Петровна вошла в главную комнату, вытирая мокрые от мытья посуды руки поношенным передником.

— Вот и я. А вы Виталий...

— Виталий Сергеевич!

— Вы, Виталий Сергеевич, проходите к столу. Присаживайтесь, я сейчас и чайку заварю.

— Мать! — остановил ее сын. — Ты хочешь этого хлыща чаем угощать? Он же пришел, чтобы дом наш отнять!

— Ну зачем же так, извините, не знаю вашего отчества, Константин ...

— Константин Владимирович, бывший старшина разведывательной роты отдельной бригады ВДВ специа-

за, кавалер двух орденов Красной Звезды, ныне инвалид первой группы, ясно, агент? Ольга! — приказал Костя, представившись. — Налей мне стакан чемиргезу!

— Потерпишь, Костя! — отказала было сестра, но брат повысил голос:

— Я сказал — налей, значит, налей! Иначе вообще никакого базара не будет!

Сестра, прекрасно зная характер брата, поднесла ему наполовину наполненный мутным самогоном граненый стакан. Костя выпил, не поморщившись, одним глотком. Достал пачку «Примы», спички, прикурил и сказал, словно отрезав:

— Никакого чаю! Выкладывай, агент, с чем пришел?

— Хорошо! Вы знаете, что вся деревня, кроме вашей семьи, поменяла на квартиры или продала свои дома. На этом месте запланировано строительство усадьбы частного лица. Но без добровольной, я повторяю, добровольной, и далеко не бескорыстной передачи своих владений жильцами данной местности этого не сделать. Ваши соседи поняли, что наше агентство предложило неплохие условия либо обмена, либо продажи своих жилищ. И сделки с ними уже завершены! Люди переехали в благоустроенные квартиры ближайшего райцентра. Или получили ту цену, которая значительно превышала истинную рыночную стоимость старых домов!

— Ты, агент, бакланить — мастер, базара нет! Только знаешь, что я тебе скажу? Мы отдадим свой дом при одном условии.

— Я внимательно слушаю вас, — менеджер открыл папку.

Костя продолжил:

— На том условии, что твоя фирма построит нам такой же дом, как этот, но здесь в деревне, у кладбища! Он не будет мешать ни строительству, ни новому хозяину, а мать, да и мы рядом с отцом будем! Понял? Другого базара не будет! Ни «бабки» твои, ни «хрущоба» в райцентре нам не нужны! Передай своим начальникам мои слова, они — кремень!

Менеджер вздохнул. Закрыв папку, обратился к матери:

— Зинаида Петровна, вы как полноправная хозяйка дома поддерживаете позицию сына?

— Да! — тихо, но твердо ответила пожилая женщина.

— Боюсь, такой вариант не устроит мое руководство, но я доведу до них ваше условие. А вообще-то, поверьте мне, очень жаль! И непонятно, почему люди отказываются от лучших условий, которые им чуть ли не на блюде подносят? Ведь вы же, Ольга, — обратился Жаворонков к сестре, — еще молоды и, не скрою, весьма привлекательны. Почему обрекаете себя на одиночество? Вам просто необходимо общение, да и Константину Владимировичу оно не помешало бы. Он в райцентре наверняка встретил бы мужчин, прошедших Афганистан, появились бы общие интересы. А тут даже для больной матери «Скорой помощи» не вызвать! Ну, перенесут строительство немного в сторону, представляете, что здесь начнется? Покоя не будет ни днем, ни ночью. Не понимаю! Хотел бы, но не могу.

— Агент, — сказал Костя, — валил бы ты отсюда, коль такой непонятливый. А в дела наши не лезь, своими занимайся! Иди, тебе все ясно объяснили!

— Ну что ж, мне остается раскланяться. Вы проводите меня, Ольга?

— Ольга! — прикрикнул на сестру брат. — Сиди, где сидишь, агент не в лесу, дорогу и один найдет.

— Но на дворе собака, — высказал опасение Жаворонков.

— Иди, не ссы! Таких, как ты, она не кусает, боится отравиться, наверное. Шутка! Собака безвредная, побрешет, но не тронет. Прощевай, агент!

— Прощайте, господа Кораблевы, прощайте!

Молодой человек вышел через сени во двор, не обращая никакого внимания на прыгающего возле ног лающего пса, вышел на улицу. Сплюнул на калитку, сел в джип.

Дом возле кладбища захотели?

Будет вам кладбище, дождетесь, ублюдки!

Через час Виталий был в Москве. В баре на Арбате дождался знакомую танцовщицу, с ней поехал к себе домой, прикупив по дороге шампанского. Его ждала бурная развратная ночь. О семье Кораблевых он уже не думал, навсегда вычеркнув ее из своей жизни.

Утром, когда он появился в конторе, первым вопросом, заданным Сагия — главой агентства, был такой:

— Ты был вчера в Хапово?

— Да, шеф!

— И что? Привез подписанные бумаги?

— Понимаете ...

И менеджер подробно передал разговор с семьей Кораблевых.

— Так! — проговорил Сагия. — Плохо, Виталик, работать стал, вот что я тебе скажу. У тебя в голове не дело, а проститутки!

— Но... Петр Гурамович!

— Никаких «но», пшел в общий отдел! Меняй «хрущобы»! На большее ты оказался неспособным. Иди, я сказал! — повысил голос Сагия, пресекая попытки подчиненного оправдаться.

Сам же глава агентства прошел в свой кабинет, набрал по сотовому телефону знакомый номер:

— Карэн? Это Сагия!

— Ну?

— С последней семьей из деревни ничего не вышло.

Противятся, слушать ничего не хотят, даже собственный разум. Ставят условие, чтобы дом им поставить возле кладбища!

— Откуда у этого быдла разум! Привыкли, мать иху, в навозе копаться. Но меня, Петя, это не касается. Через неделю строительство усадьбы должно начаться. В Хапово буду жить я один! Мне плевать, как ты решишь проблему с этим инвалидным семейством, но к следующему понедельнику их там не должно быть! Иначе ты, брат, попадешь так круто, что я тебе не завидую. Посмотри договор между твоей фирмой и строительной компанией. Какие там предусмотрены санкции в случае невыполнения одной из сторон взятых на себя обязательств? И это только официальный документ! Тебе же, дорогой, за слова придется еще ответить. Тебя за язык никто не тянул, когда ты мне это Хапово подсунул! Так что, смотри, Петя, дружба дружбой, но спрос с тебя будет по полной программе! Эти Кораблевы домик возле кладбища у тебя просили? Так устрой им жилье, только за забором, где-нибудь под ветлой! Это, конечно, шутка,

но мой тебе совет, Петя, реши эту проблему. Мне не хотелось бы поступать с тобой жестоко. Все! У меня дела.

Карэн отключился.

Сагия вытер внезапно вспотевший лоб.

Он ударил кулаком по столу, налил рюмку бренди, опрокинул в себя.

И дернул его черт месяц назад в сауне предложить под строительство усадьбы Карэна эту деревню, где он начал весьма удачно скупать за бесценок целые угодья. Думал, и дальше дело пойдет без проблем. Хотел бабки сорвать при перепродаже. Сорвал! И все из-за каких-то трех уродов, не пожелавших покинуть свою развалюху! Ну что же, Карэн не зря про кладбище упоминал. Придется, на самом деле, применять кардинальные меры. Время еще есть! Сегодня только понедельник, у него в запасе целая неделя. Он вновь взял телефон, набрал номер:

— Богдан? Привет, Сагия беспокоит.

— Слушаю тебя.

— Встретиться бы надо.

— Дело?

— Да!

— Ты знаешь, где можешь меня вечером найти. Приезжай, поговорим за стаканчиком доброго кавказского вина. Обсудим твою проблему.

— Хорошо, в семь буду у тебя.

— Хоп, брат, жду!

Двое суток спустя, вторник, 14 мая

Костя в этот вечер выпил больше обычного. И для этого был повод. Утром из военкомата приезжал подполковник, привез Константину Кораблеву направление в реабилитационный центр инвалидов локальных войн и сообщил, что завтра за ним прибудет автомобиль, который и доставит Костю в центр. На месяц ему предстояло покинуть свой дом. Ну как не обмыть подобное событие? Там, в центре, он наверняка встретится с теми, кого знал по Афгану. И мать с сестрой были рады.

Пусть хоть немного отойдет Костя, у которого в пос-

леднее время обострилась агрессивность. На всех без разбора кидался, включая собственных родных. Он плохо спал, был раздражен. Еще приход этого менеджера со своим предложением подлил масла в огонь.

В другое время Костя, возможно, и подумал бы о переезде, все же удобства в квартире для него немалое дело. Да и Ольга устроилась бы на работу, все лишняя прибавка в худой бюджет семьи. Но теперь в присутствии Кости ни о каком соглашении с агентством, кроме выдвинутых им же условий — постройки нового дома за пределами деревни, у кладбища, — не могло быть и речи! Костя уперся так, что ничто не могло заставить его изменить решение. Как упирался в далеком Афгане, приняв решение умереть, но позиции врагу не сдавать!

А вот уедет в реабилитационный центр, тогда можно будет и договориться с агентством, а позже и с Костей. Побудет тот среди равных себе, пить бросит, помягчает душой, согласится. А менеджер еще придет! Вон соседа неделю обхаживали!

Раз им нужна земля, придет обязательно!

Костя допивал остатки бутылки, вслух вспоминая свои приключения в далекой чужой стране. Ольга помогала матери собирать его вещи, когда с улицы слышался звук приближающегося со стороны города автомобиля.

— Неужели опять агент? — тихо, чтобы не слышал Костя, проговорила, обращаясь к дочери, мать.

— Да вроде больше и некому, и не к кому! Одни мы в деревне! — ответила так же тихо дочь.

Костя, уйдя в воспоминания, не слушал того, что происходит вокруг, мысленно находясь на перевале Саланг, где однажды чуть было не сорвался в пропасть.

Мать проинструктировала дочь:

— Ты вот что, Оля. Выйди к машине, скажи менеджеру, пусть приезжает завтра к обеду. Все и решим!

— Хорошо, мама!

— Только, дочь, не надо, чтобы он сейчас встретился с Костей, не нужен лишний скандал.

— Я все поняла, мама!

— Ну иди, с богом, дочка.

В это время тонированный джип остановился у калитки дома Кораблевых.

Ольга вышла в сени. Приоткрыла дверь, надевая ка-лоши, и... замерла от невероятности увиденного.

Во двор вошли три человека в черных одеяниях, в масках, с короткими дубинками в руках.

Кулак с лаем бросился к незнакомцам, но раздался хлопок, и пес уткнулся открытой пастью в песок, засучив лапами. Ольга на мгновение окаменела. Дрожь ударом тока пробила тело. А неизвестные приближались. Двое шли к крыльцу, один пошел в обход дома, на внутренний двор.

Ольга метнулась в дом, закрыв за собой дверь на щеколду.

— Мама, мама... там люди в масках. Они Кулака убили. У них пистолеты с глушителями, мама! Нас убивать пришли ...

— Быстро дай мне ружье, Ольга! И всем в погреб, ну, живо! — неожиданно трезвым голосом приказал сын.

Сестра бросилась в спальню, где на коврик висело заряженное дробью двуствольное ружье и патронташ, полный патронов. Но Ольга не успела доставить оружие брату, а мать — спрятаться.

Дверь комнаты распахнулась от сильного удара кованого сапога, и в комнате раздался голос:

— Ну что, голубки, доигрались? Чего уставился, калека? А где, мамаша, доченька твоя?

Ольга слушала эту речь с ружьем в руках, у которого были взведены курки, направив горизонтальные стволы на ширму дверного проема, не в силах что-либо предпринять.

Зинаида Петровна ничего не ответила бандиту. Встав, загорела собой сына.

— Кто вы и что вам нужно?

— Совсем немного! Вы подписываете нужные нам документы, мы уходим. Завтра вас вывезут к новому месту жительства. Вот и все дела!

— А хрен в грызло ты не хочешь? — с трудом выка-тившись на коляске из-за спины матери, крикнул Костя. — Сними маску, рожу открой, Фантомас! От кого прячешься, козел?

Неизвестный, что первым вошел в комнату и вел разговор, оттолкнув мать на диван, подошел к Косте, сильным ударом в челюсть опрокинул его вместе с коляской на пол.

— Лежи, обрубок, и пасть закрой!

Зинаида Петровна бросилась к сыну, но получила встречный удар дубинкой в солнечное сплетение, заставивший ее свернуться от боли у дивана.

— Удавлю, твари! — закричал Костя.

— Да ты так ничего и не понял, урод? — Незнакомец вновь подошел к беспомощному Косте, дубинкой ударил по лицу, разбивая нос, губы, ломая челюсть и выбивая зубы.

Кровь хлынула из рваных ран.

Незнакомец, что явно был главарем банды, осмотрелся:

— Затихли, скоты? А теперь пять минут на размышление: подписывать бумаги или отправляться в мир иной! Для вас, червей, третьего варианта не предусмотрено!

— Богдан, где все же сестренка этого обрубка? — вспомнив о молодой женщине, спросил второй человек в маске, до сих пор только стоящий у входа.

— Куда ей деваться? Сидит где-нибудь за сундуком. Иди глянь в комнату, — указал Богдан на ширму, за которой стояла, дрожа, как лист на ветру, Ольга.

Услышав приказ бандита, она напряглась, ее пальцы непроизвольно легли на спусковые крючки ружья.

Но второй входить не спешил, он обратился к начальнику:

— Богдан! Если эта сучка там, я трахну ее? И эти быстрее думать будут под ее вопли, а?

— Я тебя так трахну, яйца с потолка снимать будешь! Тащи ее сюда!

Мать, набравшись сил, крикнула:

— Беги, Оля, беги!

Дочь оглянулась на окно, ведущее в сад, Не успеть ей сейчас скрыться, времени не хватит.

Ширма упала, сорванная грубой мужской рукой.

И Ольга нажала на спусковые крючки.

Дробь двух стволов кучно ударила бандита прямо в лицо, отбросив того обратно в комнату. Лицо мгновен-

но превратилось в кровавое месиво. Богдан тут же упал на пол, выхватил пистолет с длинным глушителем, трижды выстрелил в комнату. Пули вонзились в бревна стены, когда Ольга, выбив раму, вывалилась в окно. Этот грохот с торца и крик Богдана: «Мальш! Вали суку на улице!» — на мгновение застали врасплох не ожидающего подобной развязки третьего бандита на внутреннем дворе.

Это мгновение и позволило женщине ворваться в кусты малины и перескочить через невысокий забор. Ольга не слышала выстрелы, лишь где-то рядом звонко пропели свою смертельную песню пули.

Бросившийся следом бандит, с погонялом Малыш, не видел убегающей женщины, но слышал хруст валежника и стрелял на этот звук. Малыш не знал местности, поэтому через несколько секунд влетел в яму.

Он не почувствовал боли, только с удивлением посмотрел на грудь, пробитую насквозь крепким суком лежащего в яме сломленного молнией дерева.

Так, с удивлением в остановившемся взоре, он и умер, виса на суку.

Ольга между тем продолжала углубляться в лес, пока не упала в траву от бессилия. Шума погони за собой она не слышала.

На ружейные выстрелы выскочил из джипа и вбежал в дом водитель.

— Что здесь, Богдан? Ух ты! — вырвалось у него, когда он увидел расстрелянное в упор тело подельника. — Кто это Кота так разделал, Богдан?

— Кто, кто, хрен в пальто! Сестра сука из комнаты с двух стволов ввалила Коту! Сама в лес ломанулась, Малыш следом пошел! Но что-то долго они бегают! Ты давай посмотри там, что за дела. Далеко баба убежать не могла. Найди их и возвращайтесь, здесь дела заканчивать будем!

— В какую сторону идти-то?

— Она с торца в кусты шмыгнула, значит, в ту сторону и побегала. Давай, Ден, давай, ищите с Малышом эту сучку!

Костя сумел перевернуться на спину, прошамкал разбитым ртом:

— Ну что, пидоры, взяли Кораблевых? С бабой и калекой справиться не можете, вояки! Ух, попались бы вы мне в Афгане! Разделал бы я вас, петухов позорных! Несколькими очередями сделал бы!

Богдан подошел к Константину.

— Разделал бы, говоришь, обрубок? Ну-ну! Подожди немного, я вашей вшивой семейке сюрприз под конец преподнесу. Такой сюрприз, что вззоете не своим голосом, пожалеете, что на свет появились!

В это время вернулся Ден. Был он бледен.

— Ну что, — спросил Богдан, — нашел кого?

— Нашел, Богдан! Там в канаве, метрах в трехстах отсюда, Малыш на бревне «висит»!

— Что?! На каком бревне? И что значит «висит»?

— В канаве дерево поваленное и сук. На него в спешке, видно, и налетел Малыш. Так и висит, пробитый насквозь!

— О-ха-ха-ха, — зашелся в смехе Костя, — вояки безмозглые! Молодец, сестренка, заманила отморозка на бревно! Теперь ее хрен взять! А вот вам, козлам, конец! Не жить вам! Это я говорю, а глаз у меня черный! Страшной смертью подыхать будете, особенно ты, Богдан. Помяни тогда мое слово!

— Заткнись, тварь! Ден, тащи в тачку Кота, за ним Малыша, собаку вместе с цепью не забудь, в ней пули. Затем готовь запал. Устроим этим получеловекам разборку по законам святой инквизиции.

Через час, когда трупы бандитов были уложены в багажное отделение джипа, а дом обильно облит бензином, Богдан приказал:

— Давай, Ден, сюда пропановый баллон. Обойди халупу, закрой ставни, двери!

Бандит выполнил приказание главаря. Богдан приоткрыл баллон. Зашипел газ.

— Черный глаз у тебя, говоришь, обрубок? Значит, ты колдун? А что делали раньше с колдунами? Правильно, сжигали живьем! Так отведдай этого удовольствия со своей не промытой матерью!

Богдан вышел во двор, чиркнул спичкой, бросил ее на крыльцо.

Дом сразу же взялся огнем со всех сторон. Бензина бандиты не пожалели.

Богдан стоял у джипа и смотрел на разгорающееся пламя. Он всегда любил огонь.

А внутри дома, задыхаясь в дыму, мать пыталась подтащить сына к окну и выбить ставни табуретом.

— Мама! Брось! Ставни не выбить, на совесть отец их делал. Иди ко мне, умрем вместе!

— Костя, как же это?

— Вот так, мама! Ты прости, это все из-за меня. Знать бы, что эти нелюди способны на ТАКОЕ, все даром отдал, лишь бы ты жила! Но я не знал, думал, понтуется этот ублюдок, а видишь, как вышло. Прости!

— Ну что ты, сыночек! Это ты меня прости, коли что не так в жизни было.

— Эх, если бы...

Сильный взрыв не дал договорить бывшему старшине ВДВ, кавалеру двух боевых орденов. Крыша обрушилась, похоронив под собой обнявшихся перед смертью мать и сына.

ГЛАВА 2

Москва, 14 мая 2002 г.

Москва встретила Дмитрия Горелова, майора специального подразделения ФСБ, прибывшего из Чечни, не приветливо. Шел нудный, затяжной, совсем не летний дождь, а насыщенный изморосью ветер пронизывал перроны даже через толпы пассажиров, высыпавших из поезда «Ростов-на-Дону — Москва».

Выйдя из вагона, одетый в легкую кожаную куртку Дима поежился. Не было обычного для этого времени года тепла, как не было и желания встречи с теперь уже бывшей супругой Галиной, в отличие от прежних его приездов на родину. Сейчас ему была противна всегда ранее такая долгожданная встреча.

Ожидая, пока толпа схлынет, майор Горелов думал, как ему поступить.

Ну, что в первую очередь необходимо сбросить кейс с

секретной документацией в здание на Лубянке, это понятно. Что потом? Сразу к Галине, чего ему так не хотелось, или к матери? Единственному теперь родному человеку во всем мире.

Отец умер через год после его, Дмитрия, рождения.

Понятно, что Дима его не помнил. Так и рос под пристальным взглядом матери, в принципе, предоставленный самому себе.

Горелов задумался, стоя в стороне от двери вагона.

Учился он нормально, но примерным поведением никогда не отличался. Иногда прогуливал уроки, особенно по ненавистным и непонятным ему предметам — химии и иностранному языку, за что получал свое от матери! Вечером рвался на улицу, к ребятам своего квартала. С ними бродил по улицам, вылавливая иногда чужаков с квартала через проспект. Тогда территория была поделена, и чужакам появляться не в своем районе, особенно в темное время, было небезопасно. Часто вспыхивали мальчишеские драки, в которые Горелов рвался первым. Он умел и любил драться. Еще с детства. Он вспомнил, как на школьном вечере пригласил на танец красавицу Таню Ростову и... ему повезло, на что он и не рассчитывал. Татьяна приняла приглашение, и весь вечер они провели вместе под завистливые взгляды друзей и соперников. Но вечер закончился, и Дима как настоящий кавалер должен был проводить даму сердца до дома, а жила Татьяна как раз в глубине того вражеского квартала за проспектом.

Отказаться означало упасть в глазах и друзей, и врагов, и, что более важно, в глазах красавицы Татьяны, с которой, как тогда показалось наивному Диме, начались отношения, волнующие сердце. Идти же на чужую территорию означало неминуемо быть битым! Дмитрий, естественно, выбрал второй вариант и проводил Таню до подъезда. Она поцеловала его в щеку, и счастливый пятнадцатилетний Дима Горелов пошел обратно.

Местные пацаны дали проводить девушку и встретили Дмитрия у детского садика. Гурьбой, человек в десять!

Сейчас он уже и не помнил, с чего начался разговор,

тем более что длился он недолго. Затем вышел их центровой, Паша-Гирия.

Тогда еще не было принято избивать одного толпой, как и бить лежачего. Поэтому Гирия и предложил Диме стычку один на один. Пришлось соглашаться, хотя условия схватки были изначально неравными. Гирия был старше года на два и здоровее Димы. Но против закона улицы не пойдешь. Его следовало выполнять, чтобы не прослыть трусом.

Более подвижный, владеющий приличным ударом Дима закружил Гирию. И еще неизвестно, чем закончилась бы схватка, если бы в нее не вмешался молодой мужчина, проходивший мимо. Он властным голосом приказал прекратить драку, что вызвало неудовольствие и агрессию со стороны кодлы Паши. Та пошла на мужчину, который для начала двумя несильными, но выверенными болезненными ударами развел согнувшихся пополам Диму и Гирию. Затем встретил толпу. Горелов не видел, как и что делал незнакомец, только когда отдышался от тычка в солнечное сплетение, ни Паши-Гири, ни его пацанов поблизости уже не было. Лишь молодой человек стоял в стороне и смотрел, как Дима приходит в себя. Когда Горелов наконец выпрямился, незнакомец спросил:

- Как тебя зовут, парень?
- Дима!
- Девушку провожал?
- Ну и что? Вам-то какое дело?
- Ты знал, что тебя встретят по возвращении ребята с этой улицы?
- Знал, конечно!
- И все равно пошел сюда?
- Пошел!
- Идем, я провожу тебя до проспекта.
- Я в провожатых не нуждаюсь!
- Ты, Дима, не ершишь! Мне есть что предложить тебе.

Когда они расстались, Горелов держал в руке листок, вырванный из записной книжки, в котором мелким почерком был записан адрес. Адрес секции самбо! Моло-

дой человек по имени Аркадий оказался тренером этой секции.

Продолжения отношений с Таней не состоялось. Себялюбивая красавица не посчитала нужным дальше встречаться с Димой. Чего он никак не ожидал. Но Татьяна открыто сказала, что он не в ее вкусе, и попросила оставить ее в покое.

Как Дима тогда переживал! Казалось, жизнь кончилась. Но он пересилил себя, и к этой кукле больше ни разу не подошел. Он пошел в секцию, где после нескольких занятий так втянулся в тот мир спорта, который не знал ранее, что все свободное время проводил в спортзале. Наряду с самбо он занимался и боксом. У него получалось все. Горелову словно было предназначено стать бойцом, воином. За два последних школьных года по обоим видам спорта он из новичка вырос до кандидата в мастера. И сразу же после школы, по совету Аркадия, Дима поступил в воздушно-десантное училище, которое окончил с отличием.

Затем Горелов женился. И после училища лейтенантом был направлен в войсковую часть соседнего со столицей областного центра. Галя, супруга, коренная москвичка, последовала за ним, как и положено жене офицера. Но долго жить вдаль от мамы, от Москвы, от привычного уюта не смогла. Нет, она не бросила все и не уехала самовольно. Отношения у них сложились нежно-влюбленные, не допускающие такого исхода. Просто он видел в ее глазах тщетно скрываемую тоску, видел ее беспомощность перед неблагоустроенностью офицерского общежития, к которой она так и не сумела приспособиться. Все это содействовало тому, что она все чаще стала уезжать к маме. Немаловажную роль в их жизни сыграли доводы Маргариты Петровны, ее матери. Они сводились к тому, что и Галеньке нужно получить высшее образование. В общем, супруга уехала в Москву, и это было общим решением. Дима дал свое согласие на это, веря в порядочность и верность своей любимой жены. Да и изменилось в целом немного. Галя приезжала к нему на каждые выходные и праздники. И эти встречи приносили Диме столько радости и счастья, что ему казалось, жить иначе невозможно. Что мо-

жет быть прекрасней ожидания скорой встречи с любимой женщиной?

И Маргарита Петровна приветствовала такой образ их семейной жизни. Она считала себя женщиной мудрой и всегда твердила, что супругам просто необходимо на какое-то время расставаться, чтобы не надоесть друг другу и не превратить счастье в обыденность. Хотя своего супруга, слабого и безвольного Геннадия Викторовича, держала при себе неотлучно. Вместе с собачонкой непонятной породы, Жулькой! Даже их статус, мужчины и собаки, в семье Маргариты Петровны был примерно равным, они были собственностью себялюбивой и властной женщины! Удивительным было то, в кого был у Гали мягкий, но не слабый, послушный, но полный достоинства характер?

Как он ошибался! Не замечал, не желал замечать того, что дочь была абсолютной копией своей матери, вела расчетливый, эгоистичный образ жизни, играя с ним, как с марионеткой из балагана, пользуясь его доверчивостью и порядочностью!

Но несмотря ни на что, служба и своеобразная семейная жизнь Димы Горелова продолжались. Он стал командиром роты.

И тут вспыхнула своим адским огнем война в Чечне.

Сколько же было пролито Галей слез, когда она в первый раз провожала его туда! Искренних, как казалось старшему лейтенанту, слез. Разве мог он подумать о том, как быстро высохнут они!

Он не думал об этом, веря, что жена страдает.

И как бы в подтверждение этому, такое же обилие слез, но уже от неподдельной, как опять-таки казалось офицеру, радости, когда он благополучно возвратился с войны.

Но Чечня вселила беспокойство в Маргариту Петровну. Во время застолья по случаю его возвращения она впервые заикнулась о том, что война и служба могут привести дорогого зятя к гибели, сделав ее дочь на всю жизнь несчастной. Поэтому она считает, что было бы совсем неплохо для блага самого же Дмитрия, чтобы он подал рапорт на увольнение. Маргарита Петровна даже побеспокоилась об их с Галенькой благополучии, пони-

мая, как трудно будет Диме найти себя в этой новой для него жизни. Она присмотрела квартиру в центре города, на следующей неделе планируется совершение сделки, на ее, кстати, сбережения. А самому Горелову всемогущая теща пробила работу в «Газпроме». Придется, правда, в месяц две недели проводить на вахте, но это же не месяцы под пулями в Чечне! И зарплата! Такой зарплате ему и генералом не получать! Опять-таки не нарушался режим их семейной жизни. Все то же короткое расставание, затем счастливая, долгожданная и безумная от любви встреча, к чему Дима с Галей уже привыкли.

Но все усилия оторвать Диму от армии оказались бесполезными. Как ни настаивали Галина с Маргаритой Петровной, Горелов рапорта об увольнении не подал, а вскоре стал офицером одного из самых элитных подразделений Федеральной службы безопасности, пройдя специальный, жесткий отбор и профессиональную переподготовку. О чем он, правда, жене словом не обмолвился, связанный строжайшими обязательствами. Командир парашютно-десантной роты капитан Горелов был назначен командиром диверсионно-штурмовой группы специального отряда особого назначения «Вихрь», в чью задачу входила борьба с терроризмом. Под те же фальшивые слезы своей «смирившейся» с обстоятельствами жены вместе с подразделением Горелов направился на Кавказ.

Занятый захлестнувшими его мыслями, Дмитрий не заметил, как схлынула толпа приехавших и встречающих людей. Он посмотрел на часы: 14-57!

Дмитрий перевел взгляд на опустевший перрон и мысленно увидел жену, которая всегда встречала его с охапкой цветов и счастливой улыбкой любящей женщины, дождавшейся мужа с войны.

Сегодня ее на перроне не было, и быть не могло! Горелов не предупредил о своем прибытии. Не предупредил сознательно, так как не хотел видеть здесь никого. Даже мать! С цветами, которые вызвали бы только раздражение.

Дима закурил очередную сигарету, мысли о жене

вновь всколыхнули душу и вернули его в не такое уж и далекое прошлое.

Это сейчас Дима понимал, почему Галину устраивала такая жизнь, частью врозь, частью вместе. Ответ был прост. Жена давно имела мужчин на стороне, еще до свадьбы, как и ее мать, всю жизнь наставлявшая рога своему Геннадию. Гале нужна была свобода, но и он был ей нужен как муж. Она, как и Маргарита Петровна, искренне не считала за измену связь с другими мужчинами. Это жизнь, и дается она один раз! Но при этом и семья должна быть сохранена. Брак — это святое! Белиберда какая-то. Жаль, что Горелов все это понял сравнительно недавно, когда тайное стало явным.

С чего началось его прозрение?

С той пятницы, полгода назад? Горелов, будучи на Кавказе, звонил супруге каждую пятницу, если, конечно, не находился на боевом выходе. С той проклятой пятницы, когда до трех утра не смог заставить Галину ни по домашнему телефону, ни по сотовому номеру? И только в четвертом часу, продолжая непрерывный набор, услышал ее пьяный, веселый голос на фоне музыки и явно проступавшего из спальни густого мужского баритона? Он тогда не стал выслушивать путаные объяснения жены о какой-то там вечеринке и отключил связь. Ему не хотелось говорить с ней. Впервые в жизни! Может, это было оттого, что он вечером грузом «200» отправил в последний путь двух своих подчиненных и боевых друзей, погибших в тяжелейшем бою. В неравной схватке, которую пришлось выдержать группе Горелова буквально за день до той пятницы, нарвавшись на засаду «чехов» при возвращении с задания на основную базу. И этот контраст боли, которой хотел поделиться с Галиной Горелов, и пьяного веселья жены, находившейся в своем далеком и безопасном для нее мире, словно кинжал горца, резанул майору душу!

Или после письма матери, женщины бескомпромиссной и ненавидящей, как и Горелов, предательство в любой форме? Письма, которое ввело его в ступор? Мать сообщала, что она на днях навестила свою подругу по прежней работе, которой приходится подрабатывать в одном из ресторанов посудомойкой. И там, среди шум-

ной толпы, ввалившейся в зал, она увидела жену Дмитрия, шедшую пьяной в открытом до неприличия, обтягивающем фигуру платье в обнимку с типом кавказской наружности. Тот, словно хозяин, распоряжался в ресторане. А Галя все время лезла к нему целоваться.

Галя не могла видеть свекровь, и та с болью смотрела, как бесстыдно ведет себя всегда такая скромная в семье сноха. В то время, когда ее муж ходит по лезвию ножа в далекой Чечне. Матери стало плохо, и подруга проводила ее домой. Затем, навещая мать, подруга рассказывала, что Галина продолжает чуть ли не каждый вечер бывать в ресторане вместе с тем нерусским, которому холуем прислуживает директор.

Дмитрий знал, мать никогда не стала бы вмешиваться в семейные дела сына, если бы они не перешли грань допустимого и не вышли бы за пределы приличия. В письме было еще много чего, но новость о длительной связи его жены с другим мужчиной буквально сломила боевого капитана. У него произошел нервный срыв, который чуть было не закончился трагедией.

Получил он то письмо непосредственно перед выходом на боевое задание и на базе прочитать послание матери не смог, поэтому сделал это, находясь уже на рубеже действия, когда до штурма чеченского аула, куда втянулась крупная банда полевого командира Умара, оставались считанные часы.

И в бой он пошел, не пытаясь укрыться, прямо на пули, словно ждал, когда вражеская очередь сразит его! Шел, круша все на своем пути. Его тогда уложил на землю один из подчиненных, командир второй боевой двойки старший лейтенант Гена Короб. А ребята под командованием старшего лейтенанта Семенова завершили акцию, практически уничтожив отряд боевиков и взяв в живых Умара. Которого, не останови Дмитрия Короб, Горелов непременно завалил бы, тем самым не выполнив задачу в полном объеме. Если бы сам не пал от рук чеченцев! Но, благодаря слаженности группы, подчиненные быстро поняли, что с командиром непорядок, и взяли бой на себя, изолировав Горелова для его же блага. Такое поведение капитана в бою осталось для командира отряда, подполковника Кириллова, неизвестным,

никто из ребят и словом не обмолвился, что Горелов сорвался. Ну а потом он взял себя в руки. Но мысль об измене терзала его, как лихорадка! Он и рад был бы не поверить матери, но, к несчастью, очень хорошо знал, что та никогда не лгала! Она даже не признавала ложь во спасение, считая ее более губительной, чем самая страшная правда. Ну а ночной телефонный звонок пусть косвенно, но подтвердил ее слова.

Долгими бессонными ночами во время вынужденного безделья Дима мучился вопросом: что же дальше? Как жить-то после всего этого? И... зачем? Он не мог понять, за что Галина так наказала его, любящего ее и всегда хранившего ей верность? За что отомстила так подло? И ответа не находил.

Ответ могла дать только сама супруга.

И капитан Горелов попросил отпуск.

Но как раз в это время отряд перебрасывали на юг, в горный район, для охоты на заслуживших себе громкую кровавую славу Кулан-Бека и Джуму-Бандита.

Ни о какой, даже кратковременной, отлучке в наступивших обстоятельствах не могло быть и речи. Тогда Дима вызвал супругу по сотовому телефону, в четверг. Он до сих пор помнит во всех подробностях тот разговор, объяснивший и решивший ВСЕ! И начал его Горелов.

— Привет, Галя!

— Это ты, любимый? Вот не ожидала! Сегодня же четверг, я ждала твоего звонка завтра, в пятницу, как всегда.

— Ты и очередного своего любовника любимым называешь? Или дорогим? Кисонькой? Или еще как?

Недолгое молчание, и уже совсем другой тон супруги:

— Вот ты о чем? Доложили доброжелатели, свекровь, что ли? Интересно, как ей удалось пронюхать об этом?

— Не трогай мать! Я тебя спросил, изволь ответить!

— Какого ответа ты ждешь? Что вообще ты хочешь услышать? Слова возмущения оклеветанной женщины? Признания в совершении ошибки, за которую я готова заплатить сполна? Слезы раскаяния? Мольбы о прощении? Что?

— Я хочу знать одно: почему и за что ты так подло предала меня, нашу любовь?

— Какие высокие слова! Только тебя никто не предавал. Могли же мы раньше жить так? Отчего сейчас у тебя возникли претензии?

— Как мы могли жить раньше?

— Свободно, раскованно, как живет большинство современных людей. Да, я имела мужчин во время наших коротких разлук, но и ты имел женщин!

Галина сориентировалась быстро и выбрала единственно правильную в ее положении тактику нападения как способ самозащиты.

— О чем ты говоришь, Галина? Каких женщин имел я?

— Ну, только не надо мне заливать, что не пользовался моим отсутствием и жил монахом, когда вокруг столько шлюх. Всяких молоденьких, холостых, разведенных, да и замужних, что особо не меняет дело, контрашек и вольнонаемниц! Но я понимала тебя и не обращала на это никакого внимания. Тебе тоже нужно разнообразие, которое лишь усилит тягу ко мне.

— Ты все это серьезно?

— Абсолютно.

— Какая же ты мразь.

— Вот как? Ну, раз я мразь, а ты один такой правильный, разговаривать дальше не имеет смысла.

— Готовься, я подам на развод!

— Это твое право! Что, нашел более темпераментную чеченку? Их там вы, наверное, имеете сколько захотите. Вы же сила!

Слушать ее бредни Горелов не стал, предупредив:

— Когда буду в Москве, завершим разговор.

— Ради бога!

И он отключил телефон. Внутри все кипело. От негодования, незаслуженной обиды и... от бессилия что-либо изменить.

И вот подвернулась командировка в Москву. Необходимо было доставить в Управление, в непосредственном подчинении которого находился отряд, проект нового штата, представленный подполковником Кирилловым.

Подразделению требовалось усиление для действия в усложнившейся обстановке. Вышестоящее командование запросило обоснование требований командира отряда, и, составив его, Кириллов послал в столицу майора Горелова. Дав одновременно возможность навестить семью. О его проблемах командир не знал, Дима решил не посвящать в них подполковника, опасаясь, что тот, и это будет правильно с точки зрения боевой работы, отстранит командира группы от нее. Нельзя выводить на врага офицера, да еще руководителя автономного подразделения, полностью не заряженного на бой, тем самым подвергая огромному риску и его самого, и подчиненных. Горелов понимал это и целиком был согласен с такой постановкой вопроса, но и оставаться за пределами боевых действий не мог. Поэтому он не доложил командиру о возникших осложнениях в семье, о чем был обязан доложить. И никто про его странное поведение при захвате Умара из подчиненных офицеров и прапорщиков, составляющих его группу, словом не обмолвился! Так что Дмитрий остался на должности и получил возможность, без огласки в отряде, разобраться со своими проблемами за время командировки.

Дмитрий посмотрел на часы: 15-15!

В Управление он успевает. Горелов поднял кейс с документами и дорожную сумку со сменой белья, подарком для матери — чучелом варана, блоком сигарет и небольшим бурдюком отличного выдержанного кавказского вина и пошел к входу в метро.

На службе его задержали до 19-00. После сдачи секретных документов и прохождения положенных при этом формальностей майор случайно попался на глаза генерал-майору Веригину — непосредственному начальнику над его отрядом. Тот завел Горелова в свой кабинет и долго, в подробностях, расспрашивал Дмитрия о делах в подразделении. Затем Дима зашел к своему однокурснику по училищу, также переведенному из ВДВ в ФСБ, Владу Яшкину, ныне майору, оставленному для прохождения службы в центральном аппарате. Они дружили еще курсантами, и дружба их продолжалась по сей день. Настоящая мужская дружба.

Горелов нашел его кабинет, без стука заглянул в него.

Влад сидел над какими-то бумагами, перед ним дыми-лась чашка свежезаваренного кофе. Больше в помеще-нии никого не было.

— Владик! — позвал Горелов, не входя в кабинет.

Яшкин поднял голову, оторвавшись от бумаг, лицо его расплылось в радостной улыбке:

— Димка! Чертила! Ну что в проходе стоишь? Иди, обнимемся, что ли? Сколько не виделся? С момента награждения тебя Звездой, наверное? — говорил Влад, поднимаясь и направляясь навстречу другу.

— Да, не позже! — ответил Горелов перед тем, как они обнялись.

— Ну проходи, Герой, рассказывай, — пригласил Ди-му Влад, указав на стул против себя, — как там в горах?

— В горах? Ничего! Орлы летают, шакалы по склонам шатаются, иногда вместе с боевиками. Охотимся как за теми, так и за другими. Покоя не дают! Без дела, короче, не сидим.

— Знаю, на оперативках о вас постоянно докладыва-ют. Теперь вот против Кулана и Джумы выставили?

— Против них, родимых! Слушай, Влад, у тебя вы-жрать нет ничего? — неожиданно спросил Горелов.

— В смысле, выпить?

— Да, в смысле, выпить, и чего-нибудь покрепче!

— Странно, ты как-то раньше в этом замечен не был!

— Влад, ты не ответил на вопрос.

— Ты же знаешь, как у нас с этим строго, но ... запре-тный плод, понимаешь... есть в заначке початая бутылка коньяку. Будешь этот клоповник?

— Налей граммов сто пятьдесят.

— Только с закуской голяк. В буфет бы кого отпра-вить, но все мои ребята по делам разъехались...

— Обойдемся без закуски. У тебя в кабинете курить можно?

— Кури возле окна, там и пепельница.

— Наливай!

Влад открыл свой огромный сейф, выложив из него почти всю наличную бухгалтерию, достал из самой глу-бины металлического шкафа бутылку «Арарата». На стол поставил чайный бокал. Плеснул в него изрядную долю спиртного.

Дмитрий махом опрокинул в себя обжигающую светло-коричневую жидкость. Закурил, отойдя к окну.

— Я развожусь с Галиной, Влад!

Горелов ожидал иной реакции друга. Но тот спокойно сказал:

— Делов-то! Мы вон с Маринкой тоже разбежались. А ведь семь лет прожили. Полюбила другого, вот так! И ничего не сделаешь. Жизнь! Поначалу тяжело будет, потом пройдет. Верь свежему опыту! А ты отойдешь быстро. Схлестнетесь с Куланом и Джумой, все забудешь.

— Может быть. Но сейчас на душе хреново. Если бы Галина полюбила другого, то, кажется, легче было бы, но она все время, сколько мы с ней прожили, изменяла мне! И, представляешь, это в ее понимании ничего особенного. Вроде так и должно быть. Вот что обидно!

— Такой расклад, безусловно, другое дело, но, Дима, не раскисай! Детей у вас нет, а это главное. А бабы, они и есть бабы, народ более чем коварный и непредсказуемый. Пройдет все, Дим. Ты только водкой боль первоначальную не заглушай. А то затынет, не отпустит!

— Об этом не беспокойся! В общем-то, у меня к тебе просьба будет.

— Давай! Что в моих силах, сделаю. Цепануть ее хахла? Или ее саму?

— Нет. Не надо. Пусть живет, как хочет. Я сейчас поеду к ней, подписать бумагу одну да вещи кое-какие забрать. Надо будет дня через два остальное взять, что она приготовит. И доставить к матери. Сделаешь?

— А ты сам-то почему не заберешь?

— Не успею. Да и не хочу я в барахле всяком копаться.

— Не успеешь? Ты что, ненадолго в Первопрестольную?

— Завтра поутру бортом на Ханкалу.

— Понятно. Какой разговор? Сделаю! Но мы и не посидим вместе, получается?

— Если только вечером, но, признаться, не до посиделок мне сейчас. Вот в отпуск прибуду, тогда и оторвемся! Как, Влад?

— Понимаю, а посеми ни на чем не настаиваю. Приедешь — позвони, телефон не забыл?

— Помню.

— Возьми еще мобильный номер, по нему всегда найдешь меня, где бы я ни был, а вообще, на тебе визитку, там все мои координаты. Найдешь!

Дмитрий взял пластиковую карточку, на которой сверху красовался герб Российской Федерации.

— Ну, я пошел, Влад? Извини, что так вот, но ...

— Да ладно тебе, Дим, чужие мы, что ли? Иди! Смотри, не сорвись там, у жены. Ну а попадешь в ментовку, звони, вытащу.

— Спасибо, Влад, но удостоверение ФСБ и у меня есть. Рад был тебя видеть.

— Я тоже, Дима. Удачи тебе, друг! Подожди, я сейчас машину вызову, подбросит куда надо. Чего на метро маяться!

— Удобно ли?

— Прекрати.

Горелов доехал на служебной машине, предоставленной другом, до станции метро района, где ранее проживал с Галиной. Отпустил водителя, решив немного пройтись пешком.

Еще никогда Дмитрий не подходил к собственному дому с неприятным чувством. Еще никогда в жизни ему не претило идти в свою квартиру, прежде полную любви и счастья при его возвращении.

ГЛАВА 3

Москва, продолжение дня

На подходе к подъезду своей пятиэтажки он увидел перегородивший весь тротуар черный, наглухо тонированный «Мерседес» шестисотой модели.

Чтобы попасть в подъезд, Горелову теперь предстояло перелезть через штакетник, кусты, а значит, влезть в грязь. Чего ему и не хотелось и чего он делать не собирался из принципа.

Он подошел к блестящей от влаги машине и сильно ударил рукой по крышке багажника.

Дверь со стороны водителя мгновенно открылась, и